

Клишина Ольга Семеновна

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ А. П. ЧЕХОВА

В статье анализируются стереотипы брачно-семейных отношений, гендерных идеалов России конца XIX - начала XX века на примере прозы А. П. Чехова. Модель семьи в творчестве писателя рассматривается и как социальный микрокосм, и как исследование повседневной жизни того времени.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. I. С. 106-108. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 39.572.9

В статье анализируются стереотипы брачно-семейных отношений, гендерных идеалов России конца XIX - начала XX века на примере прозы А. П. Чехова. Модель семьи в творчестве писателя рассматривается и как социальный микрокосм, и как исследование повседневной жизни того времени.

Ключевые слова и фразы: социологические методы в исследовании художественного текста; гендерные стереотипы; мужчина и женщина в литературе; история повседневной жизни.

Ольга Семеновна Клишина, к.и.н.

Кафедра ЮНЕСКО

Московский институт открытого образования

olga-klishina@yandex.ru

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ А. П. ЧЕХОВА[©]

В теоретической этнологии сохраняется устойчивый интерес к микросоциологии - исследованию семьи как одной из наиболее устойчивых социальных общностей. Семья также - основа формирования этничности и как таковая, конечно же, интересна и этнологам. Однако в отличие от других социальных общностей, семья - единство людей неформальное и глубоко личностное. В исследовании семьи как нельзя лучше применим анализ художественной литературы, в которой тема внутрисемейных отношений неисчерпаема и широко представлена. Историки и этнологи, как правило, изучают соотношение стереотипного (общего) и индивидуального (частного) в личной жизни: взаимоотношения в кругу родных и близких, мотивы и стимулы заключения супружеских союзов, рождение и воспитание детей, их социализацию, отношение к старшему поколению. Подобного рода исследования неформального круга общения [4, с. 16] перспективны для разработки на материале художественного произведения. Важность темы семейной жизни в исследовании этического мира личности XIX века несомненна. Петербургский филолог Е. И. Анненкова применительно к этому периоду считает семью «единицей культуры» [1, с. 12].

В произведениях Чехова, созданных в конце XIX века, показан кризис семейных отношений и традиционной модели брака. Традиционная модель семьи, при которой мужчина и женщина вступали в церковный брак один раз и на всю жизнь, подразумевающая патриархальное распределение брачных ролей и многодетность уже фактически стала терять свою популярность как в дворянских, так и в широких разночинских кругах, к которым принадлежал Чехов и жизнь которых он мог наблюдать. Кроме того, происходил не только социально-демографический кризис, но и изменение духовно-нравственных ориентиров по отношению к браку.

Чехов уже в самом раннем своем творчестве «выражает свое представление о необходимости деромантизации образа женщины в литературе, приближении его к реалиям повседневного существования» [3, с. 6], так что самого писателя можно в значительной мере считать характерным выразителем нравов и представлений творческой интеллигенции на брак и семью.

Традиционный идеал женщины в произведениях Чехова связан, прежде всего, с молодостью, физической привлекательностью и принадлежностью дамы к определенному социальному кругу. Причем, по мнению героев Чехова, положение такой привлекательной девушки даже более выгодно, чем положение мужчины, потому что позволяет даме занять более высокую социальную позицию. В рассказе «Женское счастье» об этом иронически говорит главный герой-мужчина: «...Чтобы мне князем или графом сделаться, нужно весь свет покорить, Шипку взять, в министрах побывать, а какая-нибудь... прости господи, Варенька или Катенька, молоко на губах не обсохло, покрутит - и вот уже советница!...» [5, с. 159].

В мужчине, напротив, самыми привлекательными качествами для брака оказываются не внешние и не внутренние, душевные качества, а его социальное положение. Так описывается «выгодный» жених и успешный чиновник Модест Алексеич в рассказе «Анна на шее»: «Скоро нашелся Модест Алексеич, не молодой и не красивый, но с деньгами. У него в банке сто тысяч и есть родовое имение, которое он отдает в аренду. Это человек с правилами и на хорошем счету у его сиятельства...» [Там же, с. 11].

Женщине брак необходим для повышения социального уровня, престижа, повышения своего «социального рейтинга». Незамужняя женщина старше 25 лет подвергается сильному общественному давлению, насмешкам. Кроме того, замужество - единственный способ для женщины приобрести личную и финансовую самостоятельность от родительской семьи, которая, впрочем, не всегда может быть реализована. В чеховской прозе имеются персонажи женского пола, которые пытаются достичь жизненного успеха самостоятельно, но, как остроумно замечает одна из исследовательниц его произведений, дамы от этого «не становятся счастливее» [2, с. 147]. Резюмирует мотивы замужества в отношении своей знакомой герой чеховского рассказа «Человек в футляре» так: «Такая жизнь, вероятно, наскучила, хотелось своего угла, да и возраст принять во внимание; тут уж перебирать некогда, выйдешь за кого угодно, даже за учителя греческого языка. И то сказать, для большинства наших барышень за кого ни выйти, лишь бы выйти...» [5, с. 576].

Для мужчины основными мотивами заключения брака были, в основном, также социальные - желание «остепениться», так как внебрачные связи истощали зрелого человека физически и опустошали его карман. Женатый человек приобретает раз и навсегда упорядоченный быт, забота о поддержании которого лежит на жене, уют, семейный очаг. Если брак удачен, то это то, что и нужно зрелому или пожилому мужчине.

Мотивом к заключению брака как для женщины, так и для мужчины может стать желание поправить свое материальное положение. Например, в рассказе «Контрабас и флейта» небогатый музыкант, играющий на контрабасе, каждую субботу наряжается и ходит смотреть «богатых невест». С целью поправить свое благосостояние женятся не только представители низших сословий, но и дворяне и разночинцы. Подобные примеры можно найти на страницах чеховских произведений в большом количестве. Это бывший адвокат Брыкович («Жилец»), живущий на содержании у своей богатой жены; двоюродный брат Ольги Михайловны, гвардейский офицер, женатый на обеспеченной, капризной и сварливой дуре, которую он не только не любит, но даже и не уважает («Именины»).

В среде духовенства и крестьянства серьезным мотивом к браку может послужить желание следовать традиции, ни в чем не выделяясь из общества. В повести «Дуэль» упоминается дьякон, женившийся таким образом: и по обычаю и по послушанию [Там же, с. 148]. Так, по традиции, заключают браки и крестьяне. В повести «Моя жизнь» приводится рассказ о женитьбе крестьянина Степана и очень характерные, в данном случае, его рассуждения о смысле брака [Там же, с. 286].

Поводом к женитьбе может быть также страх одиночества (Чебутыкин в «Трех сестрах») [Там же, с. 547].

Нередки, однако, были случаи и романтических причин заключения браков: взаимная симпатия и даже любовь. Родители или лица, ответственные за «моральный облик» девушки, старались всячески осуществлять контроль над ее знакомствами с мужчинами. В рассказе «Добрый знакомый» пришедший на свидание кавалер с досадой понимает, что за всеми его действиями наблюдает «доброжелательница» [Там же, с. 129]. Чехов сам указывает на стихийность женской натуры, плохо поддающейся контролю.

В представлении «приличного» мужчины все женщины могут делиться на две категории: на тех, с которыми можно встречаться «просто так», и на тех, на которых «надо жениться». О серьезных отношениях с девушкой, женщиной герой пьесы «Безотцовщина» говорит так: «...Или не трогать ее вовсе, или же жениться на ней... Только жениться, но... не далее!» [5, с. 30].

О самой любви как о возвышенной и романтической страсти мечтают многие представители обеих полов в произведениях Чехова. Одна из трех сестер в одноименной пьесе с отчаяньем заявляет: «Я не любила ни разу в жизни. О, я так мечтала о любви, мечтаю уже давно, дни и ночи, но душа моя, как дорогой рояль, который заперт и ключ потерян» [Там же, с. 547]. А имевший, и потерявший свою любовь Мисаил Полознев, герой повести «Моя жизнь», замечает: «...Какое это огромное счастье любить и быть любимым и какой ужас чувствовать, что начинаешь сваливаться с этой высокой башни!» [Там же, с. 288].

При всей высокой оценке романтической любви в кругах интеллигенции официально не зарегистрированные отношения вызывают сильное общественное осуждение. Так, героиня повести «Дуэль», Надежда Федоровна, сожительница чиновника Лаевского, ощущает такое недоброжелательное отношение даже со стороны собственной прислуги: «...Раздевшись, она заметила, что Ольга (*прислуга - О. К.*) брезгливо смотрит на ее белое тело. Ольга, молодая солдатка, жила с законным мужем и потому считала себя лучше и выше ее...» [Там же, с. 148].

В «Скудной истории» с негодованием и отвращением воспринимают дамы из высшего общества - жена профессора и его дочь - воспитанницу Катю, пережившую глубокое чувство и родившую внебрачного ребенка [Там же, с. 481].

Впрочем, это отвращение и ненависть относятся исключительно к женщине, вступившей во внебрачные отношения. К мужчине, имеющему связь, общество относится гораздо снисходительнее, особенно, если это добрая связь. Хотя и связи женатых мужчин могут одобряться, если мужчина достаточно богат, чтобы сожительствовать с несколькими женщинами, т.е. в состоянии их «обеспечить». Существуют такие общественные группы, где подобные связи не только не осуждаются, но даже считаются нормой, одобряются. Это артистическая и творческая элита, богема.

И в интеллигентских кругах сожительство все больше входит в моду, становится нормой отношений. Внебрачные отношения в среде интеллигенции обыденны, но они не афишируются, особенно когда одна или обе стороны женаты. Так, в пьесе «Чайка» Полина Андреевна, жена управляющего именем Сорина, даже просит доктора, своего любовника, взять ее к себе жить, при этом ее волнует не общественное мнение, а только то, что доктор ей откажет, желая иметь холостяцкую свободу [Там же, с. 575]. Если официальный, венчанный брак, даже если он неудачный, расторгнуть практически невозможно, то разрушить подобный союз, как бы его не воспринимала любящая сторона, очень легко. Доктор Самойленко в повести «Дуэль» предлагает чиновнику Лаевскому откупиться от надоевшей сожительницы.

Чехов в своих произведениях утверждает, что нельзя точно определить причины, по которым брак оказывается неудачным. Это может быть неравный традиционный брак, в котором мужчина намного старше женщины («Благодарный»), неудача может постигнуть брак, если старше женщина («Дама с собачкой»).

Личное счастье невозможно запланировать, как на то надеялся провинциальный архитектор, отец Мисаила и Клеопатры Полозневых («Моя жизнь»). Личное счастье невозможно «заслужить», как полагал купец Алексей Лаптев («Три года»). Личное счастье никак не связано с нравственностью человека и его

доброжелательным отношением к партнеру, как думал Осип Дымов («Душечка»). Оно не поддается каким бы то ни было человеческим законам, а зависит только от физиологического влечения («Несчастье»).

Следовательно, в произведениях А. П. Чехова семья предстает ненадежной, нестойкой социальной общностью, что вполне отражает кризис семейных отношений в конце XIX века. Произведения Чехова представляют новый «микросоциологический» взгляд на причины кризиса традиционных семейных ценностей: изменение приоритетов от коллективистских к индивидуалистским, ярко проявившееся в конце XIX века в связи с наступлением урбанистической эпохи, трансформацию самой структуры ценностей, в которой семья отодвинулась на второй план после самореализации, большой личной свободы, которую обрели женщины в результате их начавшейся социализации в обществе по западному образцу.

Список литературы

1. Анненкова Е. И. Аксаковы. СПб.: Наука, 1998.
2. Лю Хуан Син. Женские образы в прозе А. П. Чехова в аспекте гендерной проблематики. М., 2002.
3. Пак Чжан Хван. Женские образы в произведениях А. П. Чехова. СПб., 2005.
4. Человек в кругу семьи: очерки по истории частной жизни в Европе. М., 1996.
5. Чехов А. П. Полное энциклопедическое собрание сочинений и писем. М.: ИДДК, 2005.

FAMILY ETHNO-SOCIOLOGY IN A. P. CHEKHOV'S ARTISTIC WORLD

Ol'ga Semenovna Klishina, Ph. D. in History

Department of UNESCO

Moscow Institute of Open Education

olga-klishina@yandex.ru

The author analyzes the stereotypes of matrimonial relations and gender ideals in Russia of the end of the XIXth - the beginning of the XXth centuries by the example of A. P. Chekhov's prose. Family model in the writer's creativity is considered as both social microcosm and the research of the everyday life of that period.

Key words and phrases: sociological methods in researching artistic text; gender stereotypes, man and woman in literature; everyday life history.

УДК 141.3

Статья рассматривает степень реализованности информационного общества в современном мире и вероятностные сроки перехода к обществу знаний. Автор приходит к выводу, что в перспективе общество знаний будет представлять более высокую стадию пока еще не сформировавшегося информационного общества, в которой осуществится минимизация очевидных недостатков последнего.

Ключевые слова и фразы: информационное общество; постиндустриальная эпоха; общества знаний; коммуникации; информация; система непрерывного обучения; доступные знания.

Татьяна Ивановна Коваль, к. филос. н., доцент

Кафедра социальной философии

Российский государственный социальный университет, г. Москва

filosofia-rgsu@yandex.ru

**ОТ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЙ:
РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ОТДАЛЕННОЕ БУДУЩЕЕ?®**

Идея о необходимости перехода к социуму нового типа лежит в основе Всемирного доклада ЮНЕСКО 2005 г. «К обществам знания». По мнению составителей документа, этот переход необходим для преодоления негативных последствий информационного общества, основными из которых признаны чрезмерная технификация, грозящая унификацией социума, и рост социальной разобщенности, как на национальном, так и на международном уровне. Попробуем определить степень практической реализации идеи информационного общества и сроки перехода к обществу знаний, рассмотрим соответствующие основные концепции, выявив терминологические различия понятий «информация» и «знание», проанализировав тем самым то, что действительно происходит в мире начала III тысячелетия.

В 70-80-е годы XX века в западной социологии и футурологии возникают концепции информационного общества. Понятие «информационное общество» было введено в научный оборот в США и Японии (Ф. Махлуп и Т. Умесао). Однако сама идея информационного общества сформировалась в рамках